

История Древнего Израиля как современная проблема

А. С. Десницкий^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Резюме: реконструкция истории Древнего Израиля представляет особенную проблему в связи с тем, что библейские тексты, в которых описана эта история, были священными книгами на протяжении всей истории своего существования и остаются таковыми по сей день. Любые предлагаемые модели оказываются слишком значимыми для современной религии, политики и идеологии, и потому споры бывают особенно острыми. В статье предлагается краткий обзор современного состояния дискуссии о возникновении израильтян как этноса и о становлении монархии вплоть до династии Давида (само существование которой, впрочем, тоже отрицается некоторыми исследователями). Особую роль здесь может сыграть нарративный анализ, который показывает, какие из библейских повествований написаны очевидцами событий или составлены по рассказам очевидцев, а какие отражают идеализированные представления о прошлом (например, «золотой век» Соломона, который возник и закончился внезапно и ничем не объяснен). Выделяя в библейских повествованиях разные пласты и сопоставляя их данные с находками археологов, можно построить достаточно убедительную модель исторической реконструкции и понять, каковы границы научного знания о Древнем Израиле на данный момент.

Ключевые слова: Библия; Древний Израиль; история; реконструкция; мифология

Для цитирования: Десницкий А. С. История Древнего Израиля как современная проблема. *Ориенталистика*. 2019;2(1):134–149. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-134-149.

The history of Ancient Israel as a modern problem

A. S. Desnitsky^{1, 2}

¹ Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation,

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Abstract: reconstructing the actual history of Ancient Israel is not an easy task. The Biblical texts, which remain the primary source for these studies are also Sacred Books at least for two World religions. Therefore, any kind of textual criticism, which offers their different interpretation is inevitably connected with sensitive issues regarding



modern politics and ideology. As a matter of fact, the discussions regarding these issues always remain particularly acute. The article offers a survey of the discussions regarding the pre-history of Israelites as an ethnic group and the creation of the monarchy governed by the Davidic kings (the very existence of whom is also arguable as it comes out of some modern research). The author suggests that as a method can be applied a critical approach to the narrative itself. This approach is hoped will facilitate the distinction between the eyewitness reports (or stories written after them) and idealistic reflections on the past times (such as Solomon's golden age, which do not possess any sources to build upon). The identification of the different strata within the Biblical narrative and juxtaposing them to the archeological findings from the same chronological period allows a reconstruction of a coherent and convincing historical picture of the Ancient Israel. This method also sets the limits for our knowledge with regard to this subject.

Keywords: ancient Israel; Bible; history; mythology; reconstruction

For citation: Desnitsky A. S. The history of Ancient Israel as a modern problem. *Orientalistica*. 2019;2(1):134–149. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-134-149.

Введение

История любого древнего общества, народа, государства поддается описанию с большим трудом, и нет нужды подробно объяснять, почему: артефактов сохранилось мало, письменные тексты отражают крайне пристрастные точки зрения и редко дают возможность рассмотреть одно и то же событие с разных сторон, к тому же написаны они на древних языках и т.д. Можно сказать, конечно, что это общие проблемы исторической реконструкции, но, условно говоря, «плотность материала» неизбежно падает по мере углубления в прошлое. Что касается Второй мировой войны, мы знаем, как перемещались те или иные военные части с точностью до дня и километра, а вопрос о расселении раннего человечества лишь приблизительно разрешается с точностью до десятков тысяч лет и целых континентов, причем модели пересматриваются раз в десятилетие.

Но и на этом общем фоне есть один раздел древней истории, который неизменно остается предметом жарких споров среди ученых и общественных деятелей самой разной направленности и специализации, причем в России этот спор в последние десятилетия приобретает все большую актуальность. Речь идет об истории Древнего Израиля – впрочем, такое определение сразу приходится уточнять. Кто-то назовет этот материал «Священной историей Ветхого Завета», а кто-то, напротив, «историей Сиро-Палестинского региона эпохи бронзы и раннего железа». При этом тот и другой автор будут говорить как будто об одном и том же материале, но пользоваться несовместимыми понятиями и, по сути, находиться в совершенно разных мирах.

Вот как описывает эту ситуацию академический труд по истории Древнего Востока применительно к проблеме заселения израильтянами



Ханаана: «Археологические данные рисуют отдельные, иной раз выразительные картины разрушения некоторых древних хананейских городов и смены характера материальной культуры в значительных частях Палестины и Заиордания, библейские же книги дают нам связное повествование об этих событиях, к сожалению, основанное лишь на устных преданиях, записанных на 400–500 лет позже (т.е. не менее чем через 12–15 бесписьменных поколений). К тому же, безусловно, это предание подверглось тенденциозной обработке в соответствии с много позднейшими идеологическими взглядами и в связи с идеологической борьбой, современной не описанным событиям, а времени записи. Поэтому, естественно, перед историками стоит вопрос о степени достоверности записанного предания» [1, с. 269].

Специфика материала

О том, какие проблемы встают перед историками, исследующими Древний Израиль, и о том, как меняется эта парадигма в последние десятилетия, можно также судить по заглавиям некоторых ключевых работ, посвященных этой теме.

В середине XX в. историк М. Нот создает по классической модели свой фундаментальный труд «История Древнего Израиля» [2]. А Р. Де Во, вполне в духе школы «Анналов», пишет объемное исследование «Институты Ветхого Завета» (более известно расширенное название английской версии «Древний Израиль: его жизнь и институты») [3]. Сами названия их книг предполагают, что науке известно если и не все о жизни этого общества, то достаточно многое.

Однако уже через пару десятилетий работы, посвященные той же теме, используют в своих названиях английское слово *search* «поиск» или даже *quest*, подразумевающее не просто исследование, но поиск чего-то хорошо запрятанного, что может остаться так и не найденным. Древний Израиль – не данность, а скорее задача для такого квеста [4–6]. Такого рода работы выходят до сих пор.

В 1990-е гг. появляется сборник с полемическим названием «Может ли быть написана история Израиля» [7] – сомнению подвергается не столько конкретная реконструкция, сколько возможность реконструкции как таковой. По сути, это манифест минимализма, о котором будет сказано ниже.

В новом тысячелетии тот же самый вопрос перестает звучать как сильное риторическое отрицание, он становится скорее научной проблемой и предметом для диалога. В 2007 г. выходит книга Л. Грабба «Древний Израиль: что мы знаем и откуда мы это знаем?» [8]. Уже из названия ясно, что речь идет об определении методологии и, что особенно важно, границ научного поиска. Одновременно два ведущих израильских археолога, И. Финкельштейн и А. Мазар, недавно опубликовали книгу под



названием «Поиск исторического Израиля: обсуждая археологию и историю раннего Израиля» [4] – это запись лекций, прочитанных в 2005 г. в Детройте. Сама возможность создать такую реконструкцию становится предметом диалога, причем достаточно сложного и многопланового.

Дело, прежде всего, в том, что тексты, образы и сюжеты из Библии (Танаха для иудеев, Ветхого и Нового Заветов для христиан, Таурата, Зебура и Инджилля для мусульман) продолжают восприниматься в настоящее время как актуальные и смыслообразующие для представителей трех авраамических религий. В то же время эта тематика активно исследуется учеными разных специализаций, и граница между религией и наукой в данном случае все более условна – мы наблюдаем это в России в связи с введением теологии в номенклатуру научных специальностей, но сходные процессы протекают и во многих других странах мира.

Границы между «сферами ответственности» религии и науки, разница в их целях, методах и языках описания несколько десятилетий назад выглядели куда более понятными и четкими, нежели сегодня. И если часть религиозного сообщества стремится к тому, чтобы быть принятыми в научном мире «на равных» (признание степеней по теологии и проч.), то у научного сообщества возникает необходимость выработки строго научного языка описания традиционных религиозных текстов, который в то же время не воспринимался бы верующими как враждебный.

Главное своеобразие библейского материала заключается в том, что эти тексты были собраны, а возможно и изначально создавались как Священное Писание некоторой религиозной общины, и именно в таком качестве они сохранялись и передавались вплоть до наших дней. Поэтому любые выводы, сделанные в отношении этого материала, оказываются особенно значимыми для большого числа людей, причем это может касаться наиболее чувствительных сторон их жизни.

Вот показательный пример: в последнее время выходит все больше переводов Библии на русский язык, и часть из них вызывает подозрения в экстремизме (так, издание «Священное Писание – Перевод нового мира» признано экстремистским по решению Выборгского суда от 17 августа 2017 г.). Однако экспертное сообщество не имеет в настоящее время, по сути, никаких объективных критериев для оценки подобных подозрений. Где граница между еще одной трактовкой описанных в Библии событий и призывами к противоправной деятельности?

По сути дела, анализом и комментированием этих текстов занимается особая дисциплина под названием «библейстика». О ее возникновении и развитии автору уже доводилось писать в отдельной книге [9], достаточно будет привести один небольшой пример – описание битвы при Гиве Вениаминовой в 20-й главе Книги Судей: «И вышли сыны Вениаминовы из Гивы и положили в тот день двадцать две тысячи Израильтян на землю... и еще положили на землю из сынов Израилевых



восемнадцать тысяч человек, обнажающих меч... Сыны Вениаминовы выступили против народа и отделились от города, и начали, как прежде, убивать из народа на дорогах, из которых одна идет к Вефилю, а другая к Гиве полем, и убили до тридцати человек из Израильтян» (20:21–31).

Сначала цифры потерь составляют десятки тысяч в день, и вдруг особо оговаривается потеря тридцати бойцов! И дальше точно такая же нелогичность: «Израильтяне отступили с места сражения, и Вениамин начал поражать и поверг Израильтян до тридцати человек и говорил: «Опять падают они пред нами, как и в прежние сражения»» (20:39). Тут гибель тридцати человек выглядит как явная победа, и это после многотысячных потерь. А исход боя решила засада в десять тысяч человек (20:34), которую устроили израильтяне: когда войско вениамитян увлеклось преследованием, эти воины неожиданно напали на город. Но как могло такое множество остаться незамеченным?

Здесь напрашивается простое предложение: убрать слово «тысячи». Тогда все выглядит очень логично и реалистично: в сражении участвовало 400 израильских воинов, а со стороны Вениамина было только 26 бойцов, зато к ним присоединились еще 700 пращников (20:15) – может, именно потому израильтяне и несли тяжелые потери, пока пращники обстреливали их с городских стен, оставаясь неуязвимыми. Эти потери составляли 22, 18 и, наконец, 30 человек – действительно, существенный урон для отряда в 400 бойцов! В засаде тогда могли быть всего лишь десять самых умелых воинов, которые в нужный момент могли нанести решающий удар в тыл вениамитянам.

Так это или нет, мы не можем знать наверняка, но что библейский текст не является протокольной записью произошедших событий, стало ясно, как только к этому тексту в принципе стали применяться методы рационального анализа.

Археологические данные

С появлением археологии как науки задача, казалось бы, упростилась: в библейском тексте описана некоторая история, а археологические находки позволят уточнить, где, когда и как происходили эти события и происходили ли они вообще, или это вымысел. Но крайне редко бывает так, чтобы археологи предоставили в наше распоряжение некий точный аналог библейских повествований – текст, который описывал бы ту же самую историю «с другой стороны».

Знаменательное исключение – находка в XIX в. на территории современной Иордании так называемого «Моавитского камня», на котором царь Моава Меша (IX в. до н.э.) рассказывал о своих войнах с Израилем примерно в тех же выражениях, что и библейские авторы, но, разумеется, повествовал он о бедствиях и победах Моава. Как сегодня, так и тогда каждая сторона межэтнических конфликтов выставляет себя одновре-



менно и пострадавшей, и победившей, и три тысячи лет все выглядело примерно так же по обе стороны. Далее там описан процесс «заклятия» города, при котором он предается полному уничтожению – история, известная прежде из Библии (Иисуса Навина 10:28).

Но в обычных случаях археологи находят не тексты, а артефакты, которые нуждаются в интерпретации. Текст говорит за себя, но он субъективен – отражает чью-то точку зрения (например, царя Моава), с которой наверняка согласятся не все остальные участники событий (например, израильтяне). Артефакт совершенно объективен, он ни в чем не пытается нас убедить – но он молчалив. Даже если на нем написано имя его хозяина или изготовителя, это еще ничего не говорит нам о том, как, зачем, кем и когда он использовался, при каких обстоятельствах был выброшен или потерян.

Случаи, когда археологические находки в точности подтверждают библейский текст, крайне редки. Вот один пример: в 4 Царств 20:20 и в 2 Паралипоменон 32:2–4 описано, как царь Хизкия в ожидании ассирийской осады устроил водопровод для снабжения Иерусалима водой. Этот водопровод рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Силоамский туннель, или туннель Хизкии) действительно был найден, причем даже с надписью, которая подробно описывает процесс его прокладки. Впрочем, и тут возникают альтернативные трактовки, но сейчас мы не будем на этом останавливаться подробно.

Происходит порой и так, что археологи открывают нечто, не упомянутое в Библии и на первый взгляд ей противоречащее, но только на первый. Примером служит храм в городе Арад, не упомянутый ни в каких текстах [8, р. 496–498]. А ведь, по сути, это единственное раскопанное на сей день святилище в Иудее, им пользовались с XI по VIII в. до н.э. Полноценные раскопки на Храмовой горе в Иерусалиме невозможны по политическим и религиозным причинам, поэтому значение Арадского святилища в археологии очень велико.

Казалось бы, самое его существование есть явное нарушение принципа, согласно которому должно было существовать только одно место поклонения Господу – сначала переносная Скиния, а затем иерусалимский Храм. В то же время, если даже не упомянут данный конкретный храм, мы видим примеры того, как израильтяне приносили жертвы практически где угодно. К примеру, Самуил приносил жертву в некоем безымянном городе «на высоте» (1 Царств 9:12–13). Как назвал это И. Вейнберг, до некоторого момента не просто приемлемой, но правильной считалась концепция «один бог – много храмов» [11, с. 213].

Впрочем, один ли? Во внутреннем святилище тель-арадского храма были найдены две каменные стелы и два небольших жертвенника. Кому же они могли быть посвящены, если израильтяне поклонялись только Господу? Подсказку может предложить, к примеру, пифос, найденный



в местечке Кунтиллет-Адждруд на Синае [8, р. 447–448]. На нем есть хорошо читаемая надпись, в которой некий царь передает свое приветствие трем другим персонажам (мы ничего не знаем об этих людях): «Благословляю тебя Яхве Самарийским и его Ашерой». Подобные надписи встречаются и в других местах, например, в Хирбет эль-Ком [10, р. 202].

Ашера (иногда ее смешивают с Астартой) – женское божество, обычно спутница другого – мужского – божества в языческом пантеоне. И если в Тель-Араде израильтяне не придерживались провозглашенного в текстах принципа «поклоняться Господу в одном-единственном месте», то, видимо, не придерживались и строгого единобожия? Но и ветхозаветные повествования полны свидетельств о том, как смешивалось поклонение Господу (Яхве) с поклонением неким дополнительным женским божествам: «И сказал Самуил всему дому Израилеву, говоря: если вы всем сердцем своим обращаетесь к Господу, то удалите из среды себя богов иноземных и Астарт и расположите сердце ваше к Господу, и служите Ему одному» (1 Царств 7:3). А спустя несколько веков царь Манасия установил в храме ту самую Ашеру-Астарту, которая, по-видимому, присутствовала и в Араде (4 Царств 21:7). То есть в данном случае археология скорее дает практическую иллюстрацию для библейского повествования.

Почти любые интерпретации археологических находок будут в значительной мере субъективными. Археология скорее подсказывает нам, как это *могло происходить*, и вариантов обычно больше одного. И выбор варианта часто бывает связан с конфликтом интересов самых разных групп людей. Например, когда и как именно в Ханаане появились израильтяне? И как вообще называть эту территорию: Палестина или земля Израиля? Каждое из двух названий сегодня якобы «подтверждает» права одного из двух современных народов на эту территорию, а нейтральное на первый взгляд название *Ханаан* сразу переводит разговор в плоскость религии.

Ветхий Завет, в отличие от Нового, описывает события, которые в принципе оставляют археологические свидетельства: переселения, войны, царства и тому подобное. Однако ветхозаветная археология крайне редко может опереться на информацию из других письменных источников, вроде того самого Моавитского камня. Потому большие проблемы возникают с датировкой, с отождествлением библейских топонимов и этнонимов.

Как соотносятся меж собой письменный текст и материальные свидетельства – вечная проблема для всех историков. Но в случае с Библией эта задача иногда понимается так: подтвердить или опровергнуть библейский текст. Археология библейских стран во многом выросла именно из этого желания, прежде всего в творчестве У. Ф. Олбрайта в первой половине XX в. Его рабочая гипотеза выглядела примерно следующим образом: все случилось именно так, как описано в Библии, и археология может это подтвердить, уточнив некоторые детали.



Самый интересный пример принадлежит не самому Олбрайту, а его ученикам. Они взяли за основу сообщение 3 Царств 9:15: «Вот распоряжение о подати, которую наложил царь Соломон, чтобы построить храм Господень и дом свой, и Милло, и стену Иерусалимскую, Гацор, и Мегиддо, и Газер». Что такое Милло, точно не известно, Тантлевский [12, с. 261–266] его связывает с дворцом Давида и обнаруженными археологами так называемыми строениями из камней, выложенных ступенчатыми рядами (Stepped Stone Structure) и расположенными рядом с ними «строениями из больших камней» (Larged Stone Structure). В любом случае текст говорит о строительстве в столице. И вот рядом с царской столицей упомянуты три города: Хацор, Гезер (в Синодальном переводе эти города называются Гацор и Газер) и Мегиддо.

В трех городах были проведены раскопки, и в них были обнаружены очень похожие оборонительные сооружения, прежде всего – городские ворота с тремя парами комнат по правую и левую стороны, построены они были практически одновременно. Подобные ворота также были обнаружены в Лахише и филистимском Ашдоде. Й. Ядин интерпретировал эту находку как доказательство строительной программы Соломона. Он мотивировал свой вывод так: «Наше решение приписать этот слой Соломону базировалось, прежде всего, на отрывке из 3-й Книги Царств, стратиграфии и керамике. Но когда мы в дополнение нашли ворота с шестью комнатами и двумя башнями, соединенные с казематной стеной, идентичные по плану и размерам воротам в Мегиддо, мы поняли, что надежно идентифицировали город Соломона» [13, р. 67].

В результате все находки в Мегиддо получили свою привязку к библейским нарративам: Давид разрушил хананейское поселение в Мегиддо, его сын Соломон построил на его месте дворцы, а они были, в свою очередь, разрушены во время нашествия фараона Шешонка I. А обнаруженные в Мегиддо конюшни более позднего времени принадлежат царю Ахаву, который выступил на войну с двумя сотнями колесниц.

Точно так же и У. Девер свои находки в Гезере датировал временем расцвета Соломонова царства, т.е. второй половиной X в. [10, р. 243, 387] и даже считал характерную для данных слоев керамику надежным признаком датировки других археологических памятников, но единственным доказательством выступал опять-таки библейский текст. Как отмечает Финкельштейн [4, р. 111], интерпретация начинает ходить по кругу: археологи, базирясь на библейском тексте, датируют свои находки и связывают их с определенными событиями, описанными в этом тексте, а далее уже принятая ими датировка служит для подтверждения истинности библейских повествований. На самом деле, утверждает он, находки Ядина и Девера не дают надежных сведений об абсолютных датировках, они лишь дают возможность судить, какие слои более ранние, а какие – более поздние.



Датировка – всегда спорный момент, но сегодня археологи склоняются к тому, что ворота в Мегиддо, самые большие, относятся к VIII в. до н.э., когда Соломона явно не могло быть в живых [8, р. 384–387]. Во всяком случае, сходство строений не обязательно указывает, что они были построены по одному плану и по единому замыслу. Но точно так же нельзя сказать, будто археология опровергла рассказ о строительной программе Соломона: отсутствие свидетельств не является свидетельством отсутствия.

Модели реконструкции

Итак, археологически подтвердить точность Библии как исторического источника не удалось. В результате во второй половине XX в. стали предлагаться альтернативные реконструкции истории Древнего Израиля, самой известной из которых можно считать модель амфикистии, предложенную М. Нотом [2]: никакого Исхода не было, Древний Израиль сложился как союз различных по происхождению племен с общим святилищем. Эта реконструкция, по сути, не опиралась ни на текст, ни на археологию, она знаменовала переход к иной модели исторической реконструкции: не как это было на самом деле, а как это в принципе могло быть.

Радикально новое прочтение предложила в конце XX в. школа «минималистов». Согласно ее установкам, описанные в Библии исторические события считаются вымыслом, если они надежно не подтверждены археологически [6]. В результате вся «допленная» история Израиля объявляется мифом, никак не связанным с реальностью.

В частности, с точки зрения минималистов, никакого централизованного государства в Израиле до Вавилонского плена просто не было, поскольку доказательств его существования нет. Пожалуй, и плена как такового не было – просто в персидский период собравшиеся на территории Ханаана придумали себе общую героическую историю, которая со временем стала восприниматься как реальная.

Минимализм, по сути, принимает отсутствие доказательств за доказательство отсутствия. Но если с подобными мерками подходить ко всей древней истории, от нее мало что останется: далеко не все события однозначно доказываются археологическими находками. И все же в таком подходе есть своя немалая польза: он показывает всю относительность реконструкций. Последовательный скептицизм – непринятие всего, что только можно не принять, – тоже, в конце концов, вариант веры, пусть и со знаком минус.

Вместе с тем во второй половине XX в. все большее распространение получили другие подходы, которые вообще не интересуются исторической реконструкцией текста. Во многом это было связано с пониманием того, что библейские повествования не только и не столько историчны, сколько мифологичны, и организованы соответствующим образом.



Некогда понятие мифа было синонимом вымысла, но в XX в. трудами антропологов и культурологов это слово получило новое значение: исследователи заговорили о мифологическом мышлении как об одном из двух (наряду с научно-рациональным) основных способов познания и описания мира. Традиционная экзегеза обычно сама говорила на языке мифа, но переход к библеистике как к науке сделал «демифологизацию» (термин Р. Бульмана применительно к Новому Завету) одной из основных ее задач. Правда, перевод с языка мифа на язык логики не осуществляется настолько же просто, как перевод с древнего языка на современный.

Наиболее удачное определение мифа мы встретим у одного из самых известных отечественных исследователей – Е. М. Мелетинского: «Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления. Его ментальность связана с коллективными представлениями (термин Дюркгейма), бессознательными и сознательными скорей, чем с личным опытом. Первобытная мысль диффузивна, синкретична, неотделима от сферы эмоциональной, аффективной, двигательной, откуда происходят антропоморфизация природы, универсальная персонификация, анимизм, метафорическая идентификация объектов природных и культурных. Универсальное совпадает с конкретно-чувственным... В мифе отождествляются форма и содержание, символ и модель, часто не разделяются и не различаются субъект и объект, знак, вещь и слово, сущность и имя, объект и его атрибуты, а также единичное и множественное, пространство и время, происхождение и природа объекта. Мифологическая концептуализация не лишена логики, но она неуклюжа, действует при помощи медиации и бриколажа» [14, с. 24–31].

Последние два слова требуют отдельного пояснения. *Медиация* – посредничество, когда одно понятие обязательно объясняется через другое. А *бриколаж* – образно говоря, принцип игры в бильярд. Шар нельзя закатить в лузу сразу, прямым ударом, он должен сначала стукнуть другой шар, и лишь в результате этого столкновения один из шаров может закатиться в лузу. Так и в мифологическом мышлении одно постоянно сталкивается с другим, и смысл рождается именно в этом столкновении, в ассоциациях, значимых совпадениях и т.д. А как происходит мифологизация реальных исторических событий, мы хорошо видим на материале новейшей, прежде всего советской, истории: нельзя, к примеру, сказать, будто В. И. Чапаев – вымышленный персонаж, но и созданный вокруг него культ со своими нарративами тоже невозможно считать безупречным историческим источником.

Тогда, может быть, имеет смысл не столько извлекать зерна исторических событий из мифологических повествований, сколько постараться понять, как устроены эти повествования? Порождение смыслов – процесс, который включает не только автора, но и читателей, а они бывают



разными и меняются с течением времени, значит, не останется неизменной интерпретация. На этом основана так называемая новая герменевтика, связанная с именами Г. Гадамера и П. Рикёра. Применительно к библейским текстам это означает, в первую очередь, учет того обстоятельства, что изначальные слушатели и читатели обладали иной, чем мы, системой ценностей, и применять нынешние стандарты к древним текстам невозможно.

Но в эпоху *постмодернизма* (обсуждать это сложное явление явно не входит в наши нынешние задачи) может оказаться так, что нет вообще сколь-нибудь ясных общих стандартов, что каждый человек прочитывает каждый текст так, как хочется в данный момент лично ему. А это, по сути, означает отказ от любых попыток сколько-нибудь объективного анализа, а значит, и от научного исследования такого текста. Но, как утверждал безотносительно к Библии П. Рикёр, один из наиболее авторитетных основателей этого направления в гуманитарных науках, «текст обладает ограниченным смысловым пространством: в нем больше одной возможной интерпретации, но, с другой стороны, и не бесконечное их количество» [15, р. 496].

И стоит отметить, что если классическая библейская критика больше всего интересовалась реконструкцией истории, то современная библеистика больше внимания обращает на то, как устроены сами библейские тексты, прибегая к стандартным филологическим методам анализа. Вот как сформулировал эту идею один из последователей этого направления Р. Олтер, к наблюдениям которого мы еще обратимся: «Под литературным анализом я имею в виду тщательное и всестороннее изучение языка в его художественном употреблении. Сюда относятся комбинации идей, условности, настрой, звучание, образность, синтаксис, нарративные стратегии, композиция и многое другое; иными словами, речь идет о наборе исследовательских приемов, с помощью которых изучалась поэзия Данте, пьесы Шекспира и романы Толстого» [16, р. 12–13].

Одно из направлений подобного литературного подхода связано с анализом нарративных, т.е. повествовательных, текстов, и этот подход наиболее интересен для исторической реконструкции. В каждой культуре нарративы организованы по-своему, но в любом случае они содержат сюжетные линии, героев и их характеристики, речи и описания поступков. Чтобы понять авторский замысел и соотнести повествование с предполагаемыми или реконструируемыми историческими событиями, необходимо учитывать особенности построения нарративов в данной литературной или фольклорной традиции.

Многие консервативные верующие ограничиваются такими областями исследования, которые достаточно «безопасны» для веры с точки зрения научных гипотез и выводов. Это, прежде всего, источниковедение (анализ и сопоставление рукописей) и история интерпретации дан-



ного текста (для христианина это будет патристическая экзегеза). Таким образом, они фактически самоустраняются из важнейших областей современной науки.

И, казалось бы, здесь можно сказать, что ученый должен быть религиозно нейтральным: он может исповедовать любую религию, быть агностиком или атеистом, но это не должно сказываться на его работе. Однако, во-первых, это не вполне реалистичный подход: любой человек есть целостное существо, и его взгляды (не только религиозные, но, к примеру, политические) неизбежно оказывают влияние на всю его деятельность. Кроме того, исторически именно верующие христиане и иудеи сыграли огромную роль в становлении и развитии библеистики как науки и в значительной степени поддерживают ее существование в настоящее время.

Приходится отдавать себе отчет в том, что «интерпретационных сообществ» (как назвал это С. Фиш [17]) достаточно много и что они зачастую предлагают несовместимые друг с другом идеологии. И как мы убедимся в дальнейшем, идеологическое прочтение библейского текста порождает достаточно серьезные проблемы вне зависимости от того, какая конкретно идеология берется за основу.

Состояние дел в отечественной науке существенно отличается от общемирового, прежде всего в том отношении, что за годы советской власти, по сути, единственным дозволенным отношением к библейскому тексту была атеистическая гиперкритика. В новейшее время у некоторых исследователей возникает желание противопоставить ей такой же преувеличенный консерватизм: использовать библейский текст как исторический источник, не подлежащий ни малейшему сомнению. Работы, которые стараются идти по среднему пути и учитывают при этом состояние современной мировой науки, пока что крайне немногочисленны. В качестве хорошего примера можно привести последние труды И. Р. Тантлевского, выдержанные в духе разумного консерватизма. При этом стоит отметить, что методологическим вопросам эти книги уделяют крайне мало внимания, в двух трудах, которые в значительной мере повторяют друг друга, эти вопросы вынесены в приложение [18, с. 402–422], [19, с. 252–270].

Еще один хороший пример – труд И. П. Липовского, который предлагает свое прочтение истории Древних Израиля и Иудеи в соответствии с последними тенденциями историографии Древнего Ближнего Востока: Израиль и Иуда – два разных народа, каждый со своей историей [20]. В этой работе методологические вопросы практически не обсуждаются отдельно.

Нельзя при этом не заметить, что и И. Р. Тантлевский, и И. П. Липовский с самого начала предлагают определенную модель и в дальнейшем ищут ей подтверждения. Для первого задача состоит в том, чтобы согласовать



библейское повествование со всеми доступными данными. Задача второго скорее противоположна – она заключается в том, чтобы опровергнуть ключевой для Библии тезис об изначальном единстве израильского народа, включавшем Иуду как одно из племен (колен).

Заключение

Итак, сегодня существуют различные школы и направления исторического анализа, среди которых можно условно выделить две крайности.

Консерваторы стремятся доказать, что библейское повествование, при некоторых возможных искажениях вроде числовых данных, в целом верно отражает историю Древнего Израиля. В свое время «библейская археология» развивалась главным образом для того, чтобы, с одной стороны, подтвердить историческую достоверность библейских повествований (что важно верующим иудеям и христианам) и, с другой стороны, создать для сионистского движения и молодого государства Израиль светскую версию национальной истории. Достаточно привести такой пример: один из главных представителей этого направления, Й. Ядин, занялся в 1950-е гг. археологией после того, как оставил военную службу, где занимал высокие посты вплоть до начальника Генерального штаба израильской армии. По сути, и в том и в другом случае он активно боролся за лучшее будущее для своего народа.

Основная проблема консерваторов заключается в том, что археологические находки подгоняются под заранее заданные модели. Так, в 1930-е гг. были проведены раскопки на побережье Красного моря в районе нынешней границы Израиля и Иордании. Целью был поставлен поиск сооружений, относящихся ко времени правления царя Соломона (традиционная датировка – X в. до н. э.), который вел, согласно библейским повествованиям, морскую торговлю на Красном море и занимался металлургией. Найденные сооружения были определены руководителем раскопок Н. Глюком как крупный центр выплавки бронзы X в. до н. э., но никаких следов металлургического производства на месте так и не было обнаружено, а впоследствии и строения были заново датированы концом VIII и началом VII в. до н. э. [10, р. 397]. Подтверждение не сработало.

Уже упоминавшиеся выше **минималисты**, или ревизионисты, напротив, считают этот текст лишенным всякой историчности и не принимают всерьез никаких гипотез, которые не были бы надежно подтверждены археологией. Разумеется, это направление тоже ориентировано на общественный и идеологический резонанс: так, один из его представителей З. Херцог выступил в 1999 г. в одной из наиболее известных израильских газет «Гаарец» со статьей «Библия: никаких полевых находок» [21]. Статья вызвала бурную общественную дискуссию, в которой научные аргументы сразу же отошли на второй план.



Собственно, если консерваторы испытывают огромное давление со стороны религиозных и политических структур, которые делают поспешные и глобальные выводы, то ревизионисты подвержены такому же влиянию со стороны средств массовой информации, прежде всего телевидения, которое зачастую представляет их гипотезы как бесспорные и окончательные открытия.

О том, на каких принципах может быть основана реконструкция истории Древнего Израиля с точки зрения современной науки, пойдет речь в следующей статье данной серии.

Литература

1. Бонгард-Левин Г. М. (ред.). *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть вторая. Передняя Азия. Египет*. М.: Наука; 1988.
2. Нот М. *История Древнего Израиля*. СПб.: Дмитрий Буланин; 2014.
3. de Vaux R. *Les Institutions de l'Ancien Testament*. Paris: Cerf; 1958.
4. Finkelstein I., Mazar A. *The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel*. Atlanta: SBL; 2007.
5. Ramsey G. W. *The Quest for the Historical Israel. Reconstructing Israel's Early History*. London: SCM; 1981.
6. Davies P. R. *In Search of Ancient Israel: A Study in Biblical Origins*. London; New York: Bloomsbury T&T Clark; 1992.
7. Grabbe L. L. (ed.). *Can a "History of Israel" Be Written?* Sheffield: Sheffield Academic Press; 1997.
8. Grabbe L. L. *Ancient Israel. What Do We Know and How Do We Know It?* London; New York: Bloomsbury T&T Clark; 2007.
9. Десницкий А. С. *Введение в библейскую экзегетику*. М.: ПСТГУ; 2011.
10. Mazar A. *Archaeology of the Land of the Bible. 10,000–586 B.C.E.* New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday; 1990.
11. Вейнберг И. П. *Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.* М.: Еврейский университет; Наука; 1993.
12. Тантлевский И. Р. *Царь Давид и его эпоха в Библии и истории*. СПб.: РХГА; 2016.
13. Yadin Y. Megiddo of the Kings of Israel. *The Biblical Archaeologist*. 1970;33:65–96.
14. Мелетинский Е. М. *От мифа к литературе*. М.: РГГУ; 2000.
15. Ricoeur P.; Valdes M. J. (ed.) *A Ricoeur Reader: Reflection and Imagination*. New York; London: University of Toronto; 1991.
16. Alter R. *The Art of Biblical Narrative*. New York: Basic Books; 1983.
17. Fish S. *Is There a Text in this Class? The Authority of Interpretative Communities*. Cambridge, MA: Harvard University; 1980.
18. Тантлевский И. Р. *История Израиля и Иудеи до разрушения первого Храма*. СПб.: СПбГУ; 2005.



19. Тантилевский И. Р. *История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э.* СПб.: РХГА; 2014.
20. Липовский И. П. *Библейский Израиль: история двух народов.* СПб.: Гуманитарная Академия; 2010.
21. הארץ // הרצוג ז. התנ"ך. אין ממצאים בשטח. 29.10.1999.

References

1. Bongard-Levin G. M. (ed.) *History of the Ancient East. The genesis of the early class societies and the first centres of slave civilization. Part 2 Western Asia, Egypt.* Moscow: Nauka; 1988. (In Russ.).
2. Noth M. *History of the Ancient Israel (Geschichte Israels).* St Petersburg: Dmitry Bulanin; 2014 (In Russ.).
3. de Vaux R. *Les Institutions de l'Ancien Testament.* Paris: Cerf; 1958.
4. Finkelstein I., Mazar A. *The Quest for the Historical Israel. Debating Archaeology and the History of Early Israel.* Atlanta: SBL; 2007.
5. Ramsey G. W. *The Quest for the Historical Israel. Reconstructing Israel's Early History.* London: SCM; 1981.
6. Davies P. R. *In Search of Ancient Israel: A Study in Biblical Origins.* London; New York: Bloomsbury T&T Clark; 1992.
7. Grabbe L. L. (ed.). *Can a "History of Israel" Be Written?* Sheffield: Sheffield Academic Press; 1997.
8. Grabbe L. L. *Ancient Israel. What Do We Know and How Do We Know It?* London; New York: Bloomsbury T&T Clark; 2007.
9. Desnitskii A. S. *Introduction to the Biblical exegesis.* Moscow: PSTGU; 2011. (In Russ.).
10. Mazar A. *Archaeology of the Land of the Bible. 10,000–586 B.C.E.* New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday; 1990.
11. Veinberg I. P. *The genesis of History. The history of the Historiography in the Middle East (mid of the 1st millennium BC).* Moscow: Evreiskii Universitet; Nauka; 1993. (In Russ.).
12. Tantlevskii I. R. *King David and his time. The Biblical and Historical versions.* St Petersburg: RHGA; 2016. (In Russ.).
13. Yadin Y. Megiddo of the Kings of Israel. *The Biblical Archaeologist.* 1970;33:65–96.
14. Meletinskii E. M. *A genesis of a literature: from a mythical narrative.* Moscow: RGGU; 2000. (In Russ.).
15. Ricoeur P.; Valdes M. J. (ed.) *A Ricoeur Reader: Reflection and Imagination.* New York; London: University of Toronto; 1991.
16. Alter R. *The Art of Biblical Narrative.* New York: Basic Books; 1983.
17. Fish S. *Is There a Text in this Class? The Authority of Interpretative Communities.* Cambridge, MA: Harvard University; 1980.
18. Tantlevskii I. R. *A history of Israel and Judea. From the beginnings till the Destruction of the 1st Temple.* St Petersburg: St Petersburg State University, 2005. (In Russ.).



19. Tantlevskii I. R. *A History of Israel and Judaea till the year 70 AD*. St Petersburg: RHGA; 2014 (In Russ.).

20. Lipovskii I. P. *Israel in the Biblical Time. A history of two peoples*. St Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2010 (In Russ.).

21. Herzog Z. The Bible. There are no findings on the Ground. *Ha-Aretz (Newspaper)* from 29.10.1999. (In Hebrew)

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт востоковедения РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Andrey S. Desnitsky, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 4 февраля 2019 г.
Принята к публикации: 12 февраля 2019 г.

Article info

Received: January 12, 2019
Reviewed: February 4, 2019
Accepted: February 12, 2019